

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

(с 4 таблицами и 5 рисунками в тексте)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

И. Н. Березин как историк.¹

Ориенталист того поколения, к которому принадлежал И. Н. Березин, не мог быть только специалистом, не мог тоже ограничиться чисто-филологическими и лингвистическими задачами; предметом его интереса был Восток в целом, настоящее и прошлое восточных народов, что неизбежно приводило к рассмотрению вопросов, составляющих предмет исторической науки. Во вторую половину долгой жизни Березина русское востоковедение находилось уже на иной стадии развития и ставило себе целый ряд специальных задач; но эти перемены мало отразились на трудах Березина, для которого период деятельной и плодотворной работы в сущности закончился вместе с 60-ми годами. По той же причине научное мировоззрение Березина не представляет картины постепенной эволюции; не только как филолог, но и как историк он успел себе выработать вполне определенные взгляды уже в первые годы своей учебной и ученой деятельности, и эти взгляды потом не подвергались существенным изменениям. Как сложилось это мировоззрение, мне не удалось вполне выяснить; в противоположность своему сверстнику В. П. Васильеву, Березин мало говорит в печати о своих студенческих годах и своих учителях. Нет также полной библиографии его трудов, чем затрудняется выяснение деталей его взглядов, особенно в области исторических вопросов, которых он касался во многих статьях, рассеянных по периодическим изданиям, но которым не посвящал специальных исследований.

¹ Читано в заседании Восточного Отделения Археологического Общества 7 мая 1919 г., по случаю столетия для рождения Березина.

I.

Из своих учителей Березин называл только Ф. И. Эрдмана¹ и А. К. Казем-Бека. Первый был автором целого ряда нумизматических и исторических работ, на которых, как на всей его деятельности, отразился недостаток научной подготовки, отмеченный в некрологе, посвященном Эрдману в органе немецкого востоковедения.² Лучше известно отношение Березина к Казем-Беку, благодаря биографии этого последнего, составленной Березиным, по случаю смерти своего учителя, для протоколов заседаний Совета С. Петербургского Университета.³ Березин был близок Казем-Беку еще в студенческие годы, с тех пор как попечителем Мусиным-Пушкиным был передан на суд Казем-Бека сделанный Березиным по собственному почину перевод персидской грамматики Жюбера. Казем-Бек уже тогда сделал Березина своим личным секретарем, поручил ему свою переписку и исправление своих работ, писавшихся на русском языке. Те же обязанности Березин продолжал нести после окончания университетского курса, с июня 1837 г., когда был утвержден в степени кандидата, до июня 1842 г., когда началось его путешествие на Восток. Научная подготовка Березина не ограничивалась, однако, теми сведениями, которые он мог получить от Казем-Бека. Так Казем-Бек, по замечанию его биографа, почти не знал немецкого языка и оставался совершенно чужд немецкой науке, тогда как работы Березина свидетельствуют об основательном знакомстве с немецкой литературой, беллетристической и научной. Где, как и под чьим влиянием им были приобретены эти познания, остается мне неизвестным.

В годы оставления при Университете Березин покидал Казань, повидимому, только один раз, для поездки в Астрахань и калмыцкие степи, при чем эта поездка, по его словам,⁴ имела целью ознакомление с «персиянами и татарами». Очень вероятно, что она была совершена в 1839 г., когда в Астрахань для ревизии гимназии ездил Казем-Бек.

В феврале 1841 г. Березин был утвержден в степени магистра восточной словесности; тема его диссертации, по обычаю того времени оставшейся в рукописи, нигде не названа. В 1842 г. он был вместе с другим магистром, Вильгельмом Диттелем, командирован на три года на Восток.

¹ ЖМНП, ч. 79(1853), 224 («почтенный наставник»).

² ZDMG, XXIV, Suppl. Heft I, S. 57. Ср. В. Бартольд, *Мат. для ист. Фак. Вост. Язык.*, IV, 29. Более благоприятный отзыв об Эрдмане дан в последнее время Ф. Бабингером в *Festschr. Hirth*, 1920, S. 8 («trefflicher Orientalist»).

³ Протоколы etc., № 4, СПб., 1872, стр. 100—130.

⁴ Автобиография Березина в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» Венгерова.

Оба магистра должны были посетить одни и те же страны и руководствоваться одной и той же инструкцией, составленной Казем-Бекем, по словам его биографа, еще в 1840 г., рассмотренной Академией Наук и утвержденной министром; самая поездка состоялась с высочайшего соизволения, последовавшего в 1841 г. Березин в одном из своих отчетов¹ с благодарностью упоминает о данных ему наставлениях, избавлявших его от необходимости «блуждать на удачу и ощупью отыскивать предметы»; в биографии Казем-Бека он, напротив, говорит об инструкции, что «работа эта, конечно, по своей спешности к известному сроку, не принадлежит к числу тех, которые выказали ученость Казем-Бека с выгодной стороны».² Инструкция требовала от обоих магистров, без всякого внимания к их специальным научным задачам, всестороннего изучения языков, литературы, современной жизни, в том числе «обычаев жителей, их религии и расколов», истории и памятников прошлого нескольких восточных стран, от Персии до Египта и на возвратном пути от Египта до Крыма включительно. Кроме того им, как магистру Васильеву при его отправлении в Китай в 1840 г.,³ поручалось собирание семян, растений и других редкостей природы. Из дел архива Академии Наук видно, что составленная Казем-Бекем инструкция в июне 1841 г. была сообщена Академии Наук, передана Конференцией на рассмотрение академиков Френа и Дорна и на основании их отзыва одобрена Конференцией в заседании 13 августа. В подлинном отзыве, написанном рукою Френа и подписанном им и Дорном, на ряду с общим одобрением инструкции были предложены некоторые частные поправки. Академики находили желательным, чтобы путешественники обратили особое внимание на мало исследованные прикаспийские области, Гилян и Мазандеран. Предлагалось также усилить лингвистические занятия и занятия в библиотеках на счет занятий каллиграфией, более необходимых для будущих дипломатов, чем для будущих профессоров, и изучения мусульманских сект, связанного с большими трудностями. Эти пожелания, однако, не были повторены в постановлении Конференции.

В отчетах Березина о его путешествии⁴ находятся, напр., некоторые замечания о памятниках прошлого, представляющие несомненный интерес

¹ ЖМНП, ч. 46, отд. IV, стр. 23.

² Прот. Совета, IV, 110.

³ Матер. для истор. Фак. Вост. Яз., IV, 64.

⁴ Маршрут: Астрахань - Дербент-Баку - Ленкорань-Ардебиль-Тавриз-Тегеран-Исфаган-Шираз-Бендер-Бушир-Басра-Багдад-Мосуль-Диарбекир-Алешпо-Антиохия-Лаодикея-Триполи-Бейрут - Сидон-Тир - Акра - Яффа - Иерусалим - Назарет - Дамаск-Баальбек-Бейрут-Александрия-Каир-Смирна-Константинополь-Одесса-Крым-Петербург.

не только для своего времени и свидетельствующие не только о наблюдательности, но и о разносторонности дарований молодого ученого. Таково его замечание об ахеменидской клинописи, как об «исключительной принадлежности двора».¹ Столь же любопытны его слова о развалинах Рейя, как о памятнике исключительно мусульманской эпохи,² между тем как не только его предшественник Кер-Портер ставит вопрос, через какие ворота мог войти в Рей «небесный посланец книги Товита», но и современный иранист Джексон³ ставит тот же вопрос о Дарии Кодоманне и без достаточных оснований видит в сырцовых кирпичах существующих теперь валов признаки до-мусульманского происхождения. Столь же мало устарело, к сожалению, замечание Березина⁴ о мусульманской персидской архитектуре, как о «предмете высокого любопытства и до сих пор не обращавшем на себя надлежащего внимания». Известно, что недостаточное внимание к памятникам мусульманской архитектуры, под влиянием чрезмерного увлечения древностью и в особенности раскопками, отмечалось и в XX веке.⁵

II.

Последствием путешествия Березина, кроме научных отчетов,⁶ были: популярное описание части путешествия (до северной Персии включительно) и большое число очерков и статей,⁷ посвященных отдельным местностям, народностям, религиозным верованиям и т. п. Эти статьи доставили автору известность писателя с несомненным литературным талантом, что не раз отмечалось и специалистами-учеными,⁸ но, рассчитанные на широкий круг читателей, они скорее могут быть названы произведениями публицистической литературы, чем произведениями литературы научной, хотя бы популярной. Из них более всего относится к области истории статья «Восточные реформаторы», посвященная средневековым исмаилитам (ассасинам);⁹ но и на этой статье заметно влияние взглядов автора

¹ ЖМНП, ч. 46, отд. IV, стр. 41.

² Ibid., 40.

³ A. V. W. Jackson, *Persia past and present*, New-York — London 1906, p. 434. Там же цитата из Ker Porter, *Travels in Persia* (Lond. 1821—22).

⁴ ЖМНП, ч. 46, отд. IV, 44.

⁵ В. Бартольд, *История изуч. Востока* 2, 147.

⁶ ЖМНП, ч. 46, IV, 23—50; ч. 48, отд. IV, 19—28.

⁷ Ср. перечень их у В. В. Григорьева, СПб. Университет, СПб., 1870, примеч., стр. 67 и сл.

⁸ Отзыв Григорьева, цит. соч., 266; сравнение «с лучшими произведениями Морьера и Сенковского».

⁹ Современник, т. 65 (1857), отд. II, стр. 93—122.

на современный ему Восток. Как знаток Востока и ученый, понимавший, что «дело веков поправлять нелегко», Березин не мог не относиться отрицательно к ходячим фразам и поверхностным суждениям о пробуждении и близком обновлении восточных народов и государств; но, несмотря на свое личное знакомство с Востоком, он был не чужд противоположного заблуждения ученых теоретиков, склонных преувеличивать силу инерции прошлого и на основании принципа «так было и так будет» видящих в прошлом ключ к объяснению всех вопросов, связанных с будущим. Заблуждения такого рода отмечались не только в среде ориенталистов. В 1912 г. в органе немецких студенческих исторических обществ¹ был отмечен интересный факт, что события, связанные с объединением Италии, были верно предсказаны людьми, далекими от исторической науки, как Лассаль, и совершенно опровергли предсказания таких ученых историков, как Раумер и Лебель (Loebell). Последний еще 31 марта 1859 г. доказывал, перед многочисленной и внимательной аудиторией в Дюссельдорфе, что создание единой Италии — сумасбродная мечта, опровергаемая двухтысячелетней историей Апеннинского полуострова.

Историков-ориенталистов часто вводило в заблуждение неверное или, во всяком случае, одностороннее представление о коренном различии между психикой народов Востока и психикой народов Запада. В статье «Восточные реформаторы», где исмаилизм рассматривается только как неудачная попытка религиозной реформы, автор говорит, что «восточный человек отодвигает жизненные вопросы на второй план и больше стремится к миру невидимому, в постепенном соприкосновении с которым держат его и предания отцов и местная литература». Даже в те годы такого мнения о «восточном человеке» придерживались не все ориенталисты. В отзыве доцента А. З. Будагова о диссертации Л. Лазарева: «Разбор поэмы Мухаммеда Фузули Лейлэ-ве-Меджнун»,² представленной в факультет в 1861 г., рецензент решительно отвергает «заключительное мнение» автора диссертации, будто «восточный человек живет, так сказать, в сфере фантазии и мало думает об окружающем мире». По мнению рецензента, «все перевороты в судьбах восточных государств представляют картину непрерывного волнения страстей, прямо касающихся интересов окружающей обстановки, следовательно и мира. Восточный человек, точно так же, как и европейский, стремится к возможно большему пользованию благами земного счастья».

¹ Mitteilungen des Leuchtenburg-Bundes Historischer Vereine an Deutschen Hochschulen.

² Дела Фак. Вост. Яз., 1861 г., № 4.

Для Березина Восток представлял «иной мир», как озаглавлена его статья о Бендер-Бушире;¹ в своих суждениях о прошлом, настоящем и будущем этого мира он исходил не из реальных фактов жизни, но из теоретических предписаний религии. С этой точки зрения написана его статья «Мусульманская религия в отношении к образованности», напечатанная в 1855 г.² Поставленный в заглавии вопрос решается в неблагоприятном смысле, не на основании исторических фактов, но на основании стихов Корана и изречений, приписанных Мухаммеду, который везде называется «лжеучителем». В конце статьи высказывается едва ли вполне состоятельное мнение, что «Ассирия и Персия были образованнее нынешних мусульманских держав», так что «вопреки историческому совершенствованию ислам, всегдашний анахронизм, отодвигает человечество назад». Автор как бы забывает, что то же самое мог бы сказать с большим правом о христианстве наблюдатель IX или X веков, сопоставляя жизнь современного ему христианского мира с жизнью языческой Римской империи.

На статье Березина об исламе, как и на статье его «Современная Турция»,³ могли отразиться обстоятельства, связанные с Крымской войной; но такое же мнение об исламе и его влиянии высказывалось Березиным впоследствии. В «Очерке внутреннего устройства улуса Джучиева» (1863) он замечает, что в Золотой Орде «на ряду с исламом идет и оседлость, возникают большие города, но с введением этой религии является также множество условий, задерживающих общественное развитие, так что упадок Орды настаёт раньше появления в ней умственного движения».⁴ В биографии Казем-Бека⁵ (1870) он находит нужным особо отметить, что Казем-Бек «даже ислам не считал препятствием цивилизации, о чем он заявил в предисловии к последнему своему сочинению о бабидах», где Казем-Бек свое положение, что ислам «не может быть преградой цивилизации», подкрепляет ссылкой на факт, что «во времена аббасидов все просвещение греков было перенесено в столицу ислама; оттуда, по берегу Африки и через Испанию, сушею и морем, войной или торговлей, все отрасли наук и искусств сообщены Европе».⁶

С другой стороны, и в работах Березина, написанных в годы Крымской войны, встречаются попытки объяснить исторические факты более

¹ Русский Вестник, IX, 201—231.

² Отечеств. Записки, т. 98, отд. II.

³ Отечеств. Записки, т. 104 (1856).

⁴ Очерк, стр. 96 и сл.

⁵ Протоколы СПб. Унив., № 4, стр. 126 и сл.

⁶ Казем-Бек, Баб и Бабиды. СПб., 1865.

реальными причинами; однако, и в этих попытках едва ли можно найти следы действительного изучения фактов по первоисточникам. Таково, напр., мнение о последствиях завоевания турками Византии. По словам Березина,¹ «застав Византийскую империю во времена почти общего упадка нравственности, кочевая орда завоевателей, по преданию от первых воителей ислама, не могла возыметь особенного почтения к истинной религии, представители которой перед глазами мусульман были так слабодушны и развращены; очень естественно, что свежее, здоровое племя воителей поверило своему мусульманскому превосходству и только в исламе видело спасение». Едва ли уровень нравственности в Византии XV в. был ниже, чем в культурных мусульманских странах того же периода, напр., в Египте и Персии. Та доля правды, которая заключается в словах Березина, объясняется скорее догадками талантливого ученого, чем его знакомством с историей.

III.

Многочисленные статьи и рецензии, напечатанные Березиным в 40-х, 50-х и 60-х годах, свидетельствуют о широте его образования и его научных интересов, выходящих далеко за пределы мусульманского мира. По поводу выхода в свет санскритской антологии П. Я. Петрова он дает очерк успехов санскритоведения в Европе со времени Вильсона.² Вопрос о так называемом обновлении Востока ставится им и решается в отрицательном смысле не только в применении к мусульманскому миру, но и в применении к Китаю, в двух статьях о Китае и отношениях его к Европе.³ В «Буддизме» Васильева он видел некоторое увлечение северным буддизмом в ущерб южному; в рецензии на тот же труд⁴ он ставит вопрос об исторических заслугах буддизма, сопоставляя его с исламом. В согласии со своим общим мировоззрением, Березин видит заслуги буддизма перед человечеством в том, что буддизм спас те страны, где получил распространение, «от множества кровавых столкновений, какие внес ислам в западную Азию». Березину не мог быть известен факт, что тибетцы выступили в роли завоевателей именно после принятия буддизма и что, вопреки основному характеру обеих религий, буддизм в новейшее время распространялся в Забайкалье посредством применения грубого насилия,⁵ тогда как успехи ислама

¹ Статья «Православные и другие христианские церкви в Турции» (из «Библиотеки для чтения», т. 133, отд. III), стр. 1 и сл.

² ЖМНП, ч. 54 (1847), отд. VI, стр. 229—236.

³ Современник, т. 72 (1858).

⁴ Отечеств. Записки, т. 113 (1858), Крит. - биогр. листок, стр. 104—121.

⁵ ЗВО, I, 171.

в ту же эпоху в киргизских степях были достигнуты исключительно средствами культурной борьбы. Для истории русского востоковедения характерно, что в то время, как специалист по изучению мусульманских народов отдавал предпочтение, по крайней мере в некоторых отношениях, буддизму перед исламом, специалист по буддизму говорил о вытеснении буддизма «со стороны Запада более чистым магометанством» и находил, что «не религиям Востока вытеснить жар, поселенный в сердцах идеями Запада».¹

О широком общем образовании Березина свидетельствует, напр., его рецензия на I том «Землеведения» Риттера в переводе П. П. Семенова.² Признавая заслуги Риттера, но не разделяя «исключительного энтузиазма» его поклонников, рецензент находит, что «основания новейшей науки землеведения уже лежали в «Идеях Геерена». Факт, отмеченный Березиным, повидимому, не обратил на себя внимания других ученых, писавших о Риттере; между тем автор книги «Ideen über Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der Alten Welt» действительно, во многом предвосхитил идеи великого географа. Уже им были сделаны некоторые замечания, ставшие, после Риттера, общепризнанным достоянием географической науки, как мысль о принадлежности арабского полуострова, по его физической природе, скорее к Африке, чем к Азии. Иногда Heeren'у успешнее, чем Риттеру, удавалось предсказывать будущее.³

Широким и разносторонним образованием Березина объясняется и тот интерес, который он проявлял к вопросам, касавшимся жизни русской высшей школы и повышения образовательного уровня русского общества. Уже в Казани Березин с 1852 г. был редактором официальных губернских ведомостей; по словам казанского биографа Березина,⁴ этот орган переживал при Березине, как и при его предшественнике Артемьеве, «цветущую пору» своего существования. После переезда в Петербург Березин вполне проникся идеями конца 50-х и начала 60-х годов; в духе этих идей написано им в 1858 г. письмо из Парижа, цели его первой поездки в западную Европу, где яркими красками изображается оскорбительное отношение второй империи, несмотря на внешнее покровительство науке, к достоинству ученых.⁵ Столь же интересна и характерна статья⁶

¹ ИАН, 1918, 556.

² ЖМНП, ч. 91, отд. III, 43—55.

³ В. Бартольд, История изучения Востока², 158.

⁴ Биограф. словарь проф. и препод. Казанск. Унив., ч. I, Казань, 1904, стр. 220.

⁵ Русский Вестник, т. 17, современн. летоп., 109—119.

⁶ Библиотека для чтения, 1865, №№ 3 и 4.

о центрах науки в Европе, составленная в 1865 г. по отчетам лиц, отправленных министерством народного просвещения за границу для приготовления к профессорскому званию. В этой статье рассматривается научная жизнь в двух ее важнейших центрах, в Берлине и Париже, и вообще в Германии и Франции. Отмечается важность хранения в Германии университетских традиций; разбираются мнения отдельных выдающихся ученых, напр., мнение Ранке о реформации, как события, заложившем «будущие семена нового общества». Березин находит, что реформация имела такое значение для жизни Германии, но что в жизни человечества вообще еще больше значения имела французская революция.

Вполне естественно, что Березин в те годы принимал более деятельное участие в жизни Петербургского Университета и вообще петербургского общества, чем другие профессора восточного факультета. В дневнике А. В. Никитенко под 16 окт. 1857 г.¹ есть запись о вечере у Березина, где Никитенко был радушно встречен многими из университетских товарищей и литераторов. В том же дневнике Никитенко отмечает свою встречу и свои совместные прогулки с Березиным летом 1861 г. в Либаве.² С 1860 по 1863 гг. Березин был членом, в 1861—62 гг. казначеем литературного фонда. В 1863 г. он был единственным из членов факультета, принимавшим участие в трудах ученого комитета по составлению нового университетского устава, и в том же году, после введения устава, был избран университетским судьей.

С влиятельным положением Березина в Университете и в обществе связано предприятие, доставившее ему наиболее широкую известность — издание Русского Энциклопедического Словаря. С 1861 по 1863 гг. он был редактором отдела истории и литературы Востока «Энциклопедического Словаря, составленного русскими учеными и литераторами», не доведенного до конца (вышло 5 томов на букву А и один том второго отделения на букву Е; потом предполагалось возвратиться к букве Б). Во главе всего предприятия стоял Краевский; из ориенталистов в нем принимали участие, кроме Березина, Валиханов, Васильев, Коссович, Мухлинский, Патканов, Пашино, Петров, Хвольсон, Чубинов. Березиным, между прочим, были написаны некоторые статьи по истории Персии и персидской литературе, в том числе статья о шахе Аббасе I, где говорится, что правление этого шаха привело «более к минутному величию Персии, чем к прочному ее процветанию», и что шах, «как человек, выросший среди грубых азиатцев, отличался страст-

¹ Русская Старина, т. 67, стр. 371.

² Ibid, т. 69, стр. 66 и 70.

ными порывами жестокости». Статья «Азия» составлена Березиным вместе с П. П. Семеновым и Ф. Ф. Брантом.

В 70-х годах Березиным было предпринято и успешно закончено самостоятельное издание «Русского Энциклопедического Словаря». Васильев писал в 1879 г.,¹ накануне окончания «Словаря», что к этому предприятию «теперь обращены взоры всей России». Н. И. Веселовский писал впоследствии в некрологе Березина: «кто же не знал проф. Березина, как издателя Энциклопедического Словаря».² По словам Васильева, товарищи Березина боялись за успех дела, «зная, что прежде предпринимавшие такой же труд с большими средствами и, повидимому, с большими надеждами и рекомендациями, не могли довести его и до половины»; теперь до окончания осталось каких нибудь два месяца; «успехом Березина, составляющим его гордость, может гордиться и самый наш Университет». Веселовский также находил, что «предприятие такого издания на склоне лет нельзя не считать очень смелым, а доведение его до конца, при отсутствии помощников и при существующих у нас условиях книжного рынка, по справедливости следует считать подвигом». Мне не известны условия издания словаря и потому я не решаюсь судить о том, насколько справедливы слова об отсутствии помощников и кому, главному редактору или его сотрудникам, издание больше всего было обязано своим успехом. В списке редакторов на первом месте после главного редактора названо имя опытного публициста, будущего сотрудника «Голоса», В. Р. Зотова. Березину удалось привлечь к участию в словаре целый ряд университетских преподавателей, в том числе двенадцать ориенталистов: Васильева, Гиргаса, Захарова, Коссовича, Лерха, Минаева, Петрова, Пещурова, бар. Розена, В. Д. Смирнова, Черняева, Чубинова. Обращает на себя внимание отсутствие в этом списке имен Григорьева и его ученика Н. И. Веселовского; вероятно, это объясняется личными отношениями между Березиным и представителем кафедры истории Востока. Статьи, за редкими исключениями, появлялись без подписи, чем затрудняется определение степени участия в словаре отдельных ученых. Такие статьи, как «Аравия» бар. Розена, «Бухара» и «Мавераннагр» Лерха были шагом вперед не только в популярной литературе и во многих отношениях стояли выше статей по тем же предметам в энциклопедических словарях последующего времени. В общем, однако, в словаре Березина востоковедению отведено меньше места, чем в словаре 60-х годов; так нет статьи об Аббасе I. Березин иногда перепечатывал, но в значительно со-

¹ Протоколы СПб. Унив., № 21, стр. 98.

² Годичный акт СПб. Университета 8 февр. 1897 г., стр. 4.

кращенном виде, свои статьи из прежнего словаря; так статья об Аббасе-мирзе, подписанная в словаре 60-х годов инициалами Березина, со значительными сокращениями вошла в «Русский Энциклопедический Словарь» (где появилась без подписи), при чем некоторые места повторены буквально, напр., слова, что Аббас-мирза «по недостатку образования и слабости характера, не принес большой пользы Персии». Кроме того нельзя не отметить, что статьи словаря, больше всего связанные со специальностью главного редактора, принадлежат к числу самых слабых. О киргиз-кайсаках, киргизах, турецкой литературе, турецких племенах, турецком языке и т. п. сообщаются крайне скудные сведения; еще менее простительно было, даже в 1875 г., называть гуннов «азиатским кочевым народом калмыцкого происхождения».

Успешному окончанию дела, помимо достоинств самого словаря, способствовало, вероятно, и то сочувствие, с которым было встречено предприятие Березина в высоких сферах. Император Александр II подписался на словарь, наследнику-цесаревичу, будущему императору Александру III, словарь был посвящен; издание было одобрено министерством народного просвещения для приобретения библиотеками средних учебных заведений. Была ли эта поддержка достигнута стараниями главного редактора или его сотрудников, мне не известно.

IV.

В записке, представленной в Совет Университета по поводу баллотирования Березина на оставление в должности на ближайшее пятилетие, Васильев старался доказать, что работы, связанные с изданием Словаря, несколько не ослабили деятельности Березина, как ученого специалиста. Н. И. Веселовский, напротив, доказывал, что «подвиг» издания Словаря «подорвал силы Березина, который после того долго ничего не издавал». В последние два десятилетия жизни Березина мы, действительно, видим почти полное прекращение его деятельности, как преподавателя и как специалиста - ученого. Ежегодно объявлявшиеся им университетские курсы фактически почти не читались; работы, начатые им в лучшие годы, остались незаконченными, в том числе и труд, составляющий его главную заслугу перед исторической наукой — издание и перевод «Истории монголов» Рашид-ад-дина.

Начало работ Березина в области истории монголов, повидимому, связано с его пребыванием в Петербурге, куда он был вызван в 1845 г., после окончания заграничного путешествия; только в следующем году,

после сдачи испытания в Академии Наук и представления пробной работы,¹ он был назначен профессором в Казань. Занимаясь в петербургских библиотеках (непосредственным плодом этих занятий было «Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга»),² Березин, помимо собирания материала для турецкой хрестоматии, изучал также источники по истории монголов; повидимому, та же цель имела у него в виду при занятиях, в 1847 г., в московском главном архиве министерства иностранных дел. Из биографических сведений о Березине не видно, приступил ли он к изучению истории монголов по собственному почину или под влиянием петербургских ориенталистов, особенно Френа, не перестававшего обращать внимание на эту научную задачу с тех пор, как она, по его инициативе, была предложена Академией Наук для соискания премии (в 1826 и 1832 гг.).³

В Казани Березиным было начато издание «Библиотеки восточных историков», первый том которой вышел в 1849 г. Издатель предполагал обнародовать «в подлиннике и переводе сказания восточных писателей о монголах, а также о тюркских и других племенах, обитавших в первобытной России, пополняя эти известия извлечениями из географов мусульманских». В статье о «Внутреннем устройстве Золотой Орды», напечатанной в 1850 г.,⁴ Березин выражает надежду, что в его «Библиотеке» будет «постепенно собрано все, что сообщают мусульманские писатели о монголах». В первую очередь было предположено издать и перевести несколько сочинений, которые все, в большей или меньшей степени, были основаны на труде Рашид-ад-дина. Издавать этот последний труд Березин первоначально не предполагал; по его собственным словам,⁵ он тогда еще надеялся, что будет доведено до конца издание, предпринятое Катрмером. Предприятие Березина не было единоличным; в нем своим переводом Абулгази принял участие такой ученый, как Г. С. Сабдуков, окончивший курс Казанского Университета еще в 1830 г. и в 1844 г. напечатавший «замечательное», как оценивал его Березин в 1850 г.,⁶ исследование

¹ Предметом ее был грамматический обзор (*revue grammaticale*) «турецко-татарского» языка (Прот. АН 1846, IV, 47). Для производства испытания Березину и Диттелю была избрана комиссия, в состав которой вошли Френ, Броссе и Дорн (*ibid.*, 1845, XIV, 155).

² ЖМНП, в отделе III: ч. 50, стр. 33—48; ч. 54, стр. 33—56; ч. 59, стр. 1—24; ч. 68, стр. 13—48.

³ Ср. программы этих задач в книге В. Тизенгаузена, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, СПб., 1884, стр. 554 и сл.

⁴ ЖМНП, ч. 68, отд. II, стр. 1—24.

⁵ ЖМНП, ч. 79, стр. 223.

⁶ Тарханские ярлыки, 45.

о «внутреннем состоянии Кипчакского царства»;¹ к сотрудничеству были привлечены и молодые силы: Д. Банзаров, в то время кандидат Казанского Университета, и Н. И. Ильинский, в то время бакалавр Казанской духовной академии, окончивший в ней курс в 1846 г.

Одновременно с изданием «Библиотеки» Березин обращался к другим источникам по истории Золотой Орды — к ханским ярлыкам и к монетам. Работы Березина о ярлыках относятся к 1850 г.;² по ханским ярлыкам составлен и напечатан Березиным в 1850 г. очерк «внутреннего устройства Золотой Орды».³ Задуманный менее широко, чем работа Саблукова, этот очерк включает в себе только сведения о званиях, сословиях, чинах, подачах и налогах. Березиным было описано собрание монет Казанского Университета⁴ (он заведывал этим собранием с 1849 г.); описание считается неудачным,⁵ и сам Березин впоследствии писал, что по случаю перевода в Петербург «не успел окончательно обработать этого каталога и должен был издать его, так сказать, вчерне».⁶

Березин дважды, в 1846 и 1852 гг., посетил развалины Булгара на Волге; составленное им описание этих развалин,⁷ несомненно, должно быть признано одним из лучших и принесло много пользы при составлении, по случаю четвертого (Казанского) археологического съезда, монографии Шпилевского,⁸ посетившего развалины в 1877 г., во время съезда, вместе с В. В. Радловым. Березин предполагал посвятить волжским болгарам целый ряд работ и даже составить «историческое обозрение» этого народа;⁹ но вообще в его задачу не входило производство исторических исследований в собственном смысле слова; целью его было только доставление истории того материала, какого она имела право ожидать от филологии и археологии. Даже те из его работ, в которых по заглавию можно было бы предполагать исторические статьи, именно статьи «Первое нашествие монголов на Россию» и «Нашествие Батгя на Россию»,¹⁰ в действительности являются фило-

¹ Прибавление к «Саратовским Губернским Ведомостям»; перепечатано в 1895 г. Н. Ф. Катановым в Изв. Общ. арх. Каз. Унив., т. XIII.

² Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу, изд. кн. М. А. Оболенским, Каз., 1850. — Тарханские ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет Гирея, Каз., 1851 (цензурная пометка 1850 г.; ссылка на этот труд есть в напечатанной в 1850 г. статье «Внутреннее устройство Золотой Орды»).

³ См. выше, стр. 62.

⁴ ЖМНЦ, ч. 87 и 88.

⁵ Отзыв Тизенгаузена в трудах III-го междунар. съезда ориенталистов, I. 6.

⁶ Проток. СПб. Унив., IV, 113.

⁷ Булгар на Волге, Каз., 1853 (первоначально в Учен. Зап. Каз. Унив., 1852).

⁸ Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Каз. губ., Каз., 1877.

⁹ Булгар на Волге, 3.

¹⁰ ЖМНЦ, ч. 79 (1853), стр. 221—250; ч. 86 (1855), стр. 79—114.

логическими и заключают в себе главным образом перевод восточного текста, именно текста Рашид-ад-дина. Сделанные переводчиком исторические примечания не свидетельствуют о тщательном изучении литературы предмета; так город Матарха отождествляется, под вопросительным знаком, с Астраханью,¹ хотя тожество Матархи с Тмудораканью было известно еще в XVIII веке Байеру.² Статья о битве при Калке прошла в русской исторической литературе едва ли не совсем бесследно; мнение автора о дате битвы было основано на предложенном еще Клапротом неверном толковании часто встречающегося в болгарских надписях выражения *جيات جور*.³ В статье о нашествии Батия выяснено значение облавы, как приема, перенесенного монголами из области охоты в область войны; эти рассуждения Березина использованы в «Истории России» Иловайского.⁴

Изучение Рашид-ад-дина началось для Березина еще в Казани, куда ему была прислана академическая рукопись.⁵ Кроме статей о битве при Калке и нашествия Батия, мы находим перевод главы из Рашид-ад-дина, именно главы о Керайтах, в рецензии Березина на «Землеведение» Риттера в переводе Семенова.⁶ В апреле того же 1856 г. в заседании Восточного Отделения Русского Археологического Общества, к которому Березин присоединился еще до своего отъезда из Казани, в качестве члена-корреспондента, было заслушано и одобрено представление Березина об издании труда Рашид-ад-дина на средства Отделения. Из представления⁷ видно, что в то время был близок к окончанию перевод описания турецко-монгольских племен; этот перевод вышел в свет в 1858 г. и составил 14 том «Записок» Общества или 5 том «Трудов» Отделения; текст вышел тремя годами позже. Впоследствии был издан еще текст и перевод истории Чингиз-хана, разделенный на две части. При печатании предполагалось, что в каждой части текст и перевод будут составлять особые томы; по этому расчету Березину было уплачено вознаграждение, по 200 р. за том; по той же причине Васильев писал в 1879 г., что Березин «приводит к окончанию печатание 6-го тома».⁸ При выходе в свет, однако, текст и перевод были соединены каждый раз в один том и составили части трудов Отделения

¹ Ibid.. ч. 79, стр. 240.

² Карамзин, Ист. Гос. Росс., т. I, прим. 389.

³ ЖМНШ, ч. 79, стр. 249. Ср. Н. И. Ашмарин, Болгары и чувашы, Каз. 1902, стр. 68, 89 и сл.

⁴ Иловайский, История России, ч. II, стр. 375 и 561.

⁵ Проток. ОИФ АН 1851, XVII, 166.

⁶ См. выше, стр. 58, прим. 2.

⁷ Н. И. Веселовский, История Русск. Арх. Общ., СПб., 1900, 296 и сл.

⁸ Проток. СПб. Унив., № 21, стр. 99.

13-ую, вышедшую в свет в 1868 г., и 15-ую, вышедшую только через 20 лет, в 1888 г. Как мы только что видели, печатание этого тома уже в 1879 г. было близко к окончанию; выход его в свет, как было заявлено в заседании Отделения в октябре 1887 г.,¹ был задержан печатанием составленных В. А. Жуковским указателей к трем томам перевода — «указателя собственных имен» и «указателя слов монгольских и тюркских, приводимых в примечаниях». Еще в 1870 г. в биографии Березина, вошедшей в 2-й том «Histoire des Orientalistes de l'Europe» Дюга,² было печатно заявлено, что Березиным переведена вся история Чингиз-хана и его преемников до истории персидских монголов. Перевод некоторых мест из той части этой работы, которую Березин не успел издать, вошел в его докторскую диссертацию, вышедшую в 1863 г.

Я не буду подробно останавливаться на достоинствах и недостатках выполненного Березиным монументального труда. Надежды известного своими историко-географическими работами синолога Бретшнейдера, что труд Березина, благодаря знакомству переводчика с восточно-азиатскими языками, далеко оставит за собой прежние переводы,³ оправдались только отчасти. Березин не обладал строго-филологической подготовкой, что не могло не отразиться на переводе и примечаниях. Одни и те же собственные имена и термины приводятся и объясняются в различных местах различно;⁴ при толковании затруднявших его мест переводчик иногда допускает слишком свободное обращение с текстом. К счастью, несостоятельные с точки зрения филологической критики конъектуры вводятся только в перевод и примечания, но не в самый текст; кто имеет возможность проверять перевод по тексту, может, не прибегая к рукописям, исправлять толкование Березина. Некоторые из таких поправок были предложены или приняты самим Березиным. Так, отмеченная впоследствии Н. И. Веселовским⁶ ошибка переводчика, создавшего небывалый чин «букаульного тамговщика» была исправлена еще в 1861 г. самим переводчиком при издании текста,⁵ что не помешало «букаульному тамговщику» вновь появиться в 1863 г. в диссертации Березина,⁷ откуда он перешел в словарь Будагова и даже, чего не заметил Веселовский,

¹ ЗВО, т. II, стр. VI.

² G. Dugat, Histoire des Orient. de l'Europe, III, 20.

³ E. Bretschneider, Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, I, 198.

⁴ Ср. пример, приведенный мною в «Туркестане», II, 415, прим. 6.

⁵ ЗВО, XXIV, 201 и сл.

⁶ Труды Вост. Отд., VII, стр. XI.

⁷ Очерк внутр. устройства улуса Джучиева, 60.

Зап. Колл. Вост., т. II.

в словарь Радлова.¹ Еще легче могли быть введены в заблуждение такими ошибками не-ориенталисты.

Ни в предисловии, ни в примечаниях издателя не выполнены основные требования внешней исторической критики, которые могут быть предъявлены к издателю восточных исторических текстов. Вопрос об отношении Рашид-ад-дина к другим источникам по истории монголов нередко затрагивается, но в крайне неясных и неточных выражениях. Так Березин повторяет несколько раз, что Рашид-ад-дин пользовался китайской историей,² в частности, отдельными «китайскими биографиями сподвижников Чингиз-хана».³ В действительности черты сходства между трудом Рашид ад-дина и китайской историей скорее должны быть объяснены зависимостью от одного и того же первоисточника — монгольского официального предания.⁴ В состав последнего входили и приписанные Чингиз-хану изречения, обозначавшиеся турецким термином *билик* (знание), в переводе Березина «нравоучительные мысли».⁵ Эти изречения следует безусловно отличать от ясы, т. е. от получивших силу закона норм обычного права. В своей диссертации⁶ Березин только высказывает мнение, что в изречениях Чингиз-хана мы находим «некоторые дополнения к ясе» и что эти изречения, «может быть, также составляли часть ясы монгольского завоевателя». В примечаниях к переводу Рашид-ад-дина он прямо называет те же изречения, без всяких доказательств, статьями ясы,⁷ чем потом был введен в заблуждение Васильев.⁸

Что касается языка перевода, то в этом отношении труд Березина обладает большими достоинствами. Как мне сообщил А. Н. Самойлович, из находящихся в Азиатском Музее Академии бумаг Березина можно вывести заключение, что работа по переводу поручалась Березиным другим лицам, но в печатном переводе замечается такое единство стиля, что он вполне может быть признан произведением Березина. Переводчик, очевидно, оставался до конца верен принципу, выраженному в предисловии к I тому «Библиотеки восточных историков», где он говорит о своем старании «представить перевод не только буквальный, но и столько же безыску-

¹ Опыт словаря тюркск. наречий, IV, 1803.

² Труды Вост. Отд., XV, 158, 160, 163 и др.

³ Труды Вост. Отд., XIII, 261.

⁴ У Березина «Официальная монгольская летопись» (напр., Труды В. О., XIII, 163).

⁵ Труды Вост. Отд., XV, 120, ср. перс. текст, 178.

⁶ Очерк внутр. устройства улуса Джучиева, стр. 32, 101 и сл.

⁷ Труды Вост. Отд., XV, 173 и сл.

⁸ ЗВО, IV, 381.

ственный, как и оригинал». Эта цель достигалась им с полным успехом; в этом отношении, как мне известно, высоко ценил перевод Березина такой знаток персидского языка и такой талантливый переводчик, как покойный В. А. Жуковский.

V.

Упомянутая уже несколько раз диссертация «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева», вышедшая в 1863 г.,¹ доставила Березину высшую ученую степень. Главное отличие этого «Очерка» от работы, вышедшей почти под тем же заглавием («Внутреннее устройство Золотой Орды») в 1850 г.,² заключается в том, что в «Очерке», кроме ярлыков, приняты во внимание также исторические тексты, особенно труд Рашид-ад-дина. По собственным словам Березина, он «после знакомства с историей монголов Рашид-Эддина» отказался «от некоторых положений» своей первой работы.³ К сожалению, не всегда эти поправки представляются удачными и обоснованными. Так, Березин отказался⁴ от совершенно правильного⁵ чтения и перевода выражения *ايندر حقی* «гуменная подать»,⁶ потому что у Рашид-ад-дина будто бы встречается слово *ايندر حق* в смысле «повинность». В действительности в тексте Рашид-ад-дина,⁷ как в начале 1865 г. писал Григорьеву Ильманский,⁸ стоит *انقرجاق* «седло», что не имеет ничего общего с *ايندر حقی* ханских ярлыков. Столь же мало обосновано сближение⁹ слов *قوبور*¹⁰ в ярлыке Тимур-Кутлука и *قوبور* у Рашид-ад-дина.

Вообще диссертация носит на себе следы крайней спешности, что объясняется теми условиями, в которых она писалась и печаталась. 13 сентября 1863 г. факультет постановил просить Совет Университета об удостоевании степени доктора Березина, Васильева, Коссовича и Хвольсона, как лиц, приобретших общую известность учеными трудами;¹¹ в том же месяце в заседаниях Совета¹² выяснилось отрицательное отношение части профессоров к этому постановлению, что побудило Березина и Васильева доби-

¹ Дата оттиска; входит в состав VIII части «Трудов Вост. Отд.», вышедший в 1864 г.

² ЖМНП, ч. 68, отд. II, стр. 1—24.

³ Очерк, 10.

⁴ Очерк, 90.

⁵ Потом восстановленного Радловым (ЗВО, III, 34).

⁶ Внутр. устройство, 17.

⁷ Труды Вост. Отд., VII, 156.

⁸ ЗВО, XIII, 038.

⁹ Очерк, 91.

¹⁰ Осталось сомнительным и для Радлова, ЗВО, III, 34.

¹¹ Дела Фак. Вост. Яз.

¹² 16 и 24 сент.; см. дневник Никитенко в Р. Старине, т. 69, стр. 742 и сл.

ваться той же степени путем представления диссертации. В конце ноября обе диссертации были представлены, 10 декабря были написаны отзыв Голстунского о диссертации Березина и отзыв Березина о диссертации Васильева, 15 декабря состоялась защита обеих диссертаций. Естественно, что установление текста и перевод отдельных мест из Рашид-ад-дина в «Очерке» страдают еще более существенными дефектами, чем в других работах Березина. Перевод главы об администрации империи Хубилая представляет иногда шаг назад по сравнению с старыми переводами Клапрота¹ и д'Оссона.² Так в обоих старых переводах правильно передана фраза, искаженная до неузнаваемости переводом Березина: «Прежде были там Туда и Зейтун»,³ где имя «Туда» явилось вместо глагольной формы *تودو*, а «Зейтун» из названия города обратилось в личное имя. Речь идет о временном переводе в Зейтун провинциальных правительственных учреждений.⁴

О таких филологических промахах, конечно, не может быть двух мнений. Более спорной представляется оценка высказанных в «Очерке» взглядов на исторические события. В одной из своих ранних работ⁵ я назвал «Очерк» Березина «прекрасным для того времени исследованием»; Н. И. Веселовский в 1917 г. в рецензии на труд М. Д. Приселкова о ханских ярлыках признал работу Березина «далеко не удовлетворительной», так как в ней не выяснено, «действительно ли существовали в Золотой Орде все те подати, которые перечислялись в ярлыках, и существовали ли все те должности, которые упоминались в этих документах».⁶ В частности, Веселовский указывает на невероятность существования в России должности «пардусников». Упрек едва ли вполне справедлив: тот же вопрос был поставлен самим Березиным уже в его работе о ханских ярлыках, при чем он допускал существование некоторых должностей не на деле, а только на бумаге, обратил внимание и на пардусников, указал, по Карамзину, на примеры дарения одним князем другому «барсов, как красивого и редкого зверя», упомянул о том, что пардусники, как и сокольники, были даже у русского духовенства, и выразил мнение, что в этом месте под этими названиями «должно разуметь звероловов, рыболовов и других промышленников».⁷

¹ J. A. 1833 (XI), 335—358, 447—470.

² Hist. des Mongols, II, 633—640.

³ Очерк, III.

⁴ Ср. текст Рашид-ад-дина в издании Blochet, Gibb. Mem. Ser., XVIII, t. 2, p. 490. Правильный перевод в J. A. 457 и в Hist. des Mongols, II, 638.

⁵ ЗВО, X, 106.

⁶ ЖМНП, нов. сер., ч. 68, отд. 2, стр. 120.

⁷ Тарханские ярлыки, 32.

Каковы бы ни были недостатки «Очерка», некоторые из высказанных Березиным суждений представляются мне и теперь более правильными, чем мнения ученых, писавших после него. Так Радлов в 1891 г.¹ объяснял продолжительную, сравнительно с другими кочевыми империями, жизнь монгольского государства тем, что оно «распалось не на отдельные колена, которые его образовали, а на ряд культурных государств (Китай, Средняя Азия, Персия и т. д.), находившихся под властью потомков Чингиз-хана». Между тем еще Березиным был выяснен факт, что наиболее продолжительное существование было суждено именно тому из монгольских государств, которое более всего сохраняло характер кочевой державы — Золотой Орде.²

VI.

Из некоторых примечаний Березина к переводу Рашид-ад-дина видно, что он надеялся не только довести до конца труд издания и перевода, но сверх того еще рассмотреть в особых статьях несколько исторических вопросов, как вопрос о происхождении народа и названия «Монгол»,³ о походе Чингиз-хана на Запад,⁴ о летосчислении у Рашид-ад-дина⁵ и т. п. Все это осталось невыполненным, отчасти, вероятно, под влиянием того ослабления интереса Березина к научным вопросам, которое замечается во второй половине 70-х годов. Обращает на себя внимание полное отсутствие имени Березина в списке участников петербургского съезда ориенталистов и в отчетах о заседаниях съезда; между тем Березин оставался летом 1876 г. в Петербурге или в его окрестностях, так как исполнял обязанности декана⁶ и должен был заменять, в случае необходимости, ректора.⁷ Возможно, что это объясняется теми же причинами личного характера, как отсутствие имени Григорьева в списке сотрудников «Русского Энциклопедического Словаря» (Григорьев был фактически председателем съезда); но характерен факт, что имя Березина, еще в 1849 г. ставшего членом «азиатских обществ в Париже и Лейпциге» и дорожившего этим званием, так как упоминает о нем на заглавном листе I тома «Библиотеки восточных историков», исчезло из списков членов *Deutsche Morgenländische Gesell-*

¹ К вопросу об уйгурах, СПб., 1893, стр. 75; немецкий подлинник в *Kudatku Bilik Theil. I, St.-P. 1891, S. LVI.*

² Очерк, 21 и сл.

³ Труды Вост. Отд., XIII, 148 и 194.

⁴ *Ibid.*, XV, 171.

⁵ *Ibid.*, 173.

⁶ Прот. СПб. Унив., № 14, стр. 65.

⁷ *Ibid.*, 79.

schaft еще в 1864 г., из списка членов Société Asiatique в 1877 г. Березин, однако, принимал участие в 1878 г. в IV-м съезде ориенталистов (во Флоренции).¹

Повидимому, Березин никогда, даже в лучшие годы, не дорожил своей преподавательской деятельностью. Талантливый популяризатор, дороживший внешним успехом, не мог удовлетворяться теми условиями, в которых приходилось и приходится преподавать ориенталистам. В статье о европейских научных центрах² он говорит, что «трудно навязать русскому народу сухую, отвлеченную науку, которой дышит германский профессор», что у нас «никому нет охоты читать в пустой аудитории, перед двумя-тремя слушателями». Характерно, что Березиным, за всю его долгую профессорскую деятельность, ни разу не была предложена тема для соискания наград медалями. Не случилось ему, повидимому, вдохновлять чужие труды; мне не известно ни одно имя ученого, который бы печатно назвал Березина своим главным учителем. Повидимому, вполне соответствует истине проведенное в дневнике Никитенко,³ после диспута 1863 г., сравнение между Березиным и Васильевым. Березин отличался большим «внешним образованием», Васильев более «любил свой предмет».

Сведения о курсах Березина довольно скудны. В Казани им, по записке Фойгта,⁴ читались, кроме ханских ярлыков, только османские тексты; кроме того он читал попеременно «историю тюркских племен, историю турецкой империи и историю турецкой литературы». В Петербурге он, кроме чтения средне-азиатских турецких текстов, читал курс исторического содержания, иногда, судя по экзаменационным программам 1859 г.,⁵ посвящавшийся китайским сведениям о турецких народностях до VIII века, иногда, как в обозрении преподавания 1863—64 гг.,⁶ заключавший в себе «исторический и этнографический обзор всех нынешних турецких племен в России и в Азии», в качестве «Введения в историю турецкой литературы». Этот обзор иногда назывался «этнографическим обозрением турецких племен», чаще просто «обозрением турецких племен». Так был озаглавлен и курс, прослушанный мною в студенческие годы (около 1890 г.). Из сохранившихся у меня записок видно, что Березин в то время сообщал своим слушателям сведения о трех главных турецких кочевых народах — туркменах,

¹ ЖМНП, ч. 201 (1879), отд. IV, стр. 6.

² Библ. для чтения, 1865, №№ 3 и 4.

³ Русская Старина, т. 69, стр. 759.

⁴ К. Фойгт, Обзорение хода и успехов преподав. аз. языков в Каз. Унив., Каз. 1852, стр. 12.

⁵ Материалы для истории Фак. Вост. Яз., I, 347 и сл.

⁶ Дела Фак. Вост. Яз.

кара-киргизах и киргиз-казаках. В некоторых местах курс носил на себе явные следы трудов Радлова, нигде, однако, не названных. Подробнее всего излагались меры, принимавшиеся русским правительством для умиротворения киргизских степей от Петра I до 1860-х годов. Подобно Радлову,¹ Березин не одобрял политики генерал-губернатора Катенина (1857—1860), направленной к насаждению в степи хлебопашества в ущерб скотоводству, и находил сохранение степного скотоводства гораздо более выгодным и необходимым для России.

Как отмечено в некрологе Березина, составленном Н. И. Веселовским,² Березин «в последнее время снова стал думать об ученых работах и отчасти осуществил их». Речь может идти только об издании в 1890 г. последних выпусков «Турецкой хрестоматии»; к историческим вопросам, интересовавшим его прежде, Березин уже не возвращался. Желание престарелого ученого еще чем-нибудь проявить себя в науке возникло, повидимому, в связи с пятидесятилетием его деятельности, праздновавшимся 7 января 1890 г. Петербургский Университет еще в декабре 1889 г. избрал Березина своим почетным членом. Своим поздравителям юбиляр сказал речь, в которой, как говорят, несколько неумеренно прославлял свои заслуги. В речи, сказанной нам, студентам, когда мы при входе его в аудиторию, в первый раз после юбилея, встретили его аплодисментами, Березин выразил убеждение, что ему удастся еще кое-что сделать для науки. Для славы и спокойствия престарелого профессора было только выгодно, что его намерение не осуществилось и что предполагаемые работы, на которых неизбежно отразились бы его преклонные годы и отсталость от науки, не явились в свет.

Березину сравнительно редко приходилось при жизни подвергаться нападкам критики; большею частью такие нападки не шли дальше частных разговоров и писем; некоторые из них, из переписки Григорьева,³ были опубликованы после его смерти. Отношение самого Березина к трудам товарищей по науке, по крайней мере в лучшие годы, было чуждо мелочного тщеславия. В 1863 г. он выражал надежду, что места ханских ярлыков, оставшихся «сомнительными или темными» после его собственных работ, «объяснятся удовлетворительно при ожидаемом издании крымских дипломатических актов С.-Петербургскою Академиею Наук».⁴ В 1863 г. он вместе с Григорьевым подписал представление о возведении издателя этих актов, В. В. Вельяминова-Зернова, в степень доктора.

¹ Aus Siberien, I, 523.

² Годичный акт 8 февр. 1897 г., стр. 4.

³ Ср. ЗВО, XIII, 138.

⁴ Очерк, 9.

Заслуги того поколения ориенталистов, к которому принадлежит Березин, определяются не столько выполнением, сколько постановкой научных задач, и в этом отношении ученый, понявший, что «на русских ориенталистах лежит обязанность разъяснения» монгольского периода русской истории,¹ и не только словом, но и делом доказавший сознание этой обязанности, издатель «Библиотеки восточных историков» и труда Рашид-ад-дина, имеет полное право на благодарность потомства.

В. Бартольд.

¹ Труды Вост. Отд. Арх. Общ., V, предисл., стр. V.